

Глава 1,

*в которой я сильно жалею,
что умею читать*

21 мая, понедельник

Помыть окна

Закупить продукты

Девчонки

Дашка — сочинение!!!

Сделать маникюр

Витамины дать

Пиджак

На ужин — спагетти

По большому счету, все началось именно с этого списка. Впрочем, и без него, скорее всего, все началось бы. Только, возможно, позже. Но именно в тот день и именно с того списка, ничем особенно не отличающегося от других списков на сотни других дней, все и началось. С этим ясно.

Однако утром того дня я ничего еще не знала и даже не подозревала, а, наоборот, предвкушала солнечную погоду и приятный денек. Для миллиардов других людей, для всех жителей планеты, у которых есть работа, понедельник — день тяжелый. Я же человек не работающий. Хотя, естественно, мне было чем

заняться, как и любой домохозяйке, имеющей мужа, двоих неаккуратных детей и большой дом, в котором за выходные успевали все перевернуть вверх дном. Но это же, как говорит мой муж, не работа: «Ты же все равно сидишь дома и ничего не делаешь». А настоящая РАБОТА выбита большими золотыми буквами в трудовых книжках трудового населения. У меня же трудовой книжки вообще не было, да.

В общем, был понедельник, и это означало, что я наконец-то снова предоставлена сама себе. Я подала всем полезный горячий завтрак, отвезла детей в гимназию и, конечно же, получила свой законный поцелуй в щечку: «Хорошего дня, дорогая». И вот все они наконец-то исчезли, оставив меня наслаждаться тишиной. Понедельник, я тебя люблю!

Итак, первый пункт. Вымыть окна. Я включаю музыку, первая попавшаяся радиостанция, на которой поет какой-то новенький мальчик, не помню его фамилии. Но мне нравится песня, и я оставляю ее. Я всегда мою окна в конце мая, потому что уже тепло и солнечно, и мне нравится лазать по подоконникам и следить, как вид из-за окна словно переселяется к нам в квартиру. Стекла исчезают, становятся невидимыми, а сочная майская зелень на деревьях проступает с особой ясностью.

— Красота! — подвела я итог.

В моей трешке имелось четыре окна, так что на все про все ушло не больше часа. Солнце грелось на лице. Я прикрыла глаза, мурлыкая от удовольствия, и подумала, что скоро уже можно будет начинать за-

горать. И от этой мысли, впервые посетившей меня после мучительно долгой, пасмурной зимы (в последнее время они почему-то всегда такие), мне стало еще лучше. И к моменту, когда зазвонил телефон, я была мила, доброжелательна и дружелюбна.

— Алло? Я слушаю, — ответила я, все еще подставляя лицо солнцу.

— Светлакова? Ты? — раздался в трубке голос Машки, одной из моих подруг.

— А ты куда звонишь? — съехидничала я.

— Просто голос у тебя какой-то не такой, — фыркнула она.

— Какой — не такой?

— Ну... добрый какой-то. Ты там чем вообще занимаешься? Может, у тебя массажист завелся? И прямо сейчас мнет тебе бока.

— Ага. Массажист. Высокий стройный брюнет со смуглой кожей. И муж как раз тут накануне сошел с ума и все мне оплатил, — ухмыльнулась я.

Машка помолчала с минуту, видимо, обдумывая всю невозможность описанной ситуации.

— Значит, просто хорошо?

— Ага. Я окна помыла. — Мои губы сами собой расплылись в улыбке. Я люблю чистые окна.

— Ты псих. Кто же в понедельник моет окна? Это ж наш единственный, можно сказать, выходной! Ты помнишь, что мы сегодня перенесли все на два?

— Все я помню, — устало кивнула я, хотя на самом деле все забыла.

Обычно мы с девчонками встречаемся по понедельникам в три часа. Бросаем все наши хозяйственные дела, заваливаемся в какой-нибудь новый ресторанчик, чтобы попробовать какой-нибудь новой кухни, и посвящаем пару часов самозабвенному трепу. В жизни домохозяйки все прекрасно, кроме одного — все мы испытываем недостаток общения, явный болтательный авитаминоз. Мы компенсируем дефицит путем ежедневных телефонных инъекций, но этого явно недостаточно. Понедельники — наши болтательные дни. За это я люблю их. Так что понедельник — это самый лучший день в неделе. Но все-таки на сегодня у меня были еще кое-какие планы. Я надеялась сходить в магазин и успеть еще сделать маникюр до трех. Теперь придется перекраивать график. Или оставаться без маникюра.

— Вот и хорошо, что ты все помнишь. Любка нашла индийский вегетарианский ресторан, говорит, там совсем недорого. Только ехать надо аж на «Белорусскую», так что давай сворачивай свой бесконечный трудовой подвиг.

— Я и так ничего не делаю, — буркнула я.

— Знаю я тебя, Светлакова. Пока все не переможешь, не успокоишься. Давай-давай, руки в ноги. Пыль бесконечна, а жизнь коротка. Соевое рагу ждать не будет!

— А ты уверена, что это вкусно? — позволила я себе усомниться, но Машка уже повесила трубку.

Вот уже почти год, как мы завели эту традицию, подразумевая, что таким образом будем расширять

и углублять свой собственный вкус. Вкусно не вкусно, а пробовать надо разное, чтобы потом лучшее делать у себя дома. Впрочем, девчонки особо не заморачивались готовкой, а просто наслаждались по-недельничной жизнью. Но соевое рагу... Вечно Любка выдумает что-нибудь несусветное.

Я нацепила джемпер, в который раз порадовавшись, что больше нет необходимости в теплой куртке, и отправилась в магазин.

Перетаскивание тяжелых сумок — не самая приятная часть жизни домохозяйки, но в моем случае при всем богатстве выбора никакой другой альтернативы нет. На фиг, на фиг, к терапевту. Чтобы заставить моего мужа донести хоть одну сумочку из супермаркета, надо убить целый день и кучу нервов. Намного проще все делать самой. Хотя я не оставляю попыток, я очень старательная и целеустремленная. Каждый выходной, когда считается, что Леша дома и должен как-то участвовать в семейных делах, я пытаюсь заставить его сделать хоть что-нибудь — вынести мусор... Но чтобы Леша его вынес, я должна провести серию подготовительных манипуляций.

— Юля, поставь ведро у входа и переложи мусор в большой пакет. Я буду идти и захвачу с собой.

— А что, до этого я буду без ведра?

— Но нельзя же оставлять пакет на полу. А вдруг он протечет?

— Мы живем в доме с мусоропроводом. Может, ты просто пойдешь и выкинешь его? Просто достанешь пакет из ведра и выкинешь? А? Как тебе план?

— Вечно ты все усложняешь! — скажет Леша и с та-а-ким мученическим лицом потащит пакет (двумя пальцами), что, по его логике, меня при одном взгляде на него уже должна насмерть замучить совесть. Но поскольку моя совесть часто барахлит, Лешка, дабы неповадно было, обязательно рассыплет мусор по коридору да еще набросает его около мусоропровода. — Я все сделал! — героически произносит он. — Ты только там прибери теперь.

— Что? Опять? — Мне остается только развести руками. Лучше уж выносить мусор самой, чем отдраивать после мужа коридор.

Примерно та же история выходит и с покупкой продуктов. Да, семья у нас большая, и вкусно поесть любят все. Мужу и в голову не приходит спорить со мной в части того, что хрупким, слабым женщинам вредно таскать по десять пакетов в каждой слабой ручке. Он с этим согласен, как согласен и с тем, что должен хоть в чем-то мне помогать. Но если уж он возьмется за покупки (раз в год), то вместо продуктов из списка принесет такое! Например, вместо помидоров, которые так и значатся в списке как «помидоры — полкило», принесет банку маринованных зеленых помидоров.

— Что это? — в немом изумлении спрашиваю я.

— Как что? Помидоры.

— Но они же соленые. И зеленые.

— А тебе какие нужны?

— Свежие.

— Ты не написала, — резонно замечает он.

Я замолкаю, я даже не знаю, что сказать. Он приносил вместо молока соевое молоко. Вместо картошки приносил замороженный картофель фри, который вообще нельзя есть ни в каком виде, потому что, кажется, он делается в порядке конверсии и изначально, наверное, являлся биологическим оружием, выпущенным вместе с ножками Буша. Леша приносил вместо гречневой крупы пшено, а вместо манки крахмал. А на все мои вопли и сопли отвечал:

— Тогда не надо меня просить. Не нравится — ходи сама!

Вот так-то. Что я, в общем-то, и делаю. Снова налицо победа мужского интеллекта. С таким упорным неумением читать списки, написанные по-русски, я справиться не могла. В общем, и на этот раз пришлось жертвовать маникюром. Потому что не сходить в магазин я не могла. На ужин я собиралась приготовить спагетти, а для мясного соуса, как известно, необходимо мясо. И, естественно, вместо того чтобы делать маникюр, я побежала в магазин. Мои домашние на мои руки не смотрят, зато смотрят в тарелки, и, между прочим, очень внимательно.

К двум часам, когда я явилась в обозначенное место на «Белорусской», я испытывала легкий укол совести относительно маникюра, но зато в остальном мой список двигался со здоровой динамикой. Витамины детям я дам после школы, потому что на завтрак я их дать забыла. Пиджак мужа я уже забросила в машину, сдам его в химчистку по дороге из школы. А спагетти — плевое дело, когда есть все про-

дукты. Да, я смело могла расслабляться. Мое бытие, «ты все равно сидишь дома и ничего не делаешь», текло привычным темпом.

— Светлакова, ты почему опаздываешь? — строго спросила Машка, поджидавшая меня у входа в пресловутое индийское вегетарианское место. Вывески заведение не имело, скорее всего, оно было, так сказать, «для своих». Что ж, тем интереснее.

— Я не опаздываю, — обиделась я. — Я задерживаюсь. Пробки.

— В метро? — скептически уточнила она.

— Да. В метро все прекрасно, но до него еще надо доехать, — возмущенно повела я плечами. — Ну, где тут подают соевое рагу?

— Наверное, девки уже все съели без нас, — попыталась напугать меня Машка, но я только пожала плечами.

В целом к соевой еде я была равнодушна. На эти встречи я приходила уж точно не для того, чтобы позжрать.

— Юлька, ну, наконец-то! — победно улыбнулась Любка, толкая в бок сидящую рядом с ней Карину. Вся наша теплая четверка была в сборе. Понедельник — уик-энд домохозяек.

— Кариночка, привет, как ты? Как муж, дети?

— Юлька, ты что, похудела? — Это от Любки. Ей кажется, что такой вопрос — самый лучший комплимент.

— Да ни хрена она не похудела, — вмешалась Машка, плюхаясь рядом со мной.

— А ей и не надо. Ей и так хорошо, — поддержала меня Карина.

Моя внешность — это мой больной вопрос. Мне, как, впрочем, и огромному большинству домохозяек, до идеала не хватало совсем чуть-чуть. Чуть-чуть похудеть, чуть-чуть поухаживать за собой, чуть-чуть больше времени проводить на свежем воздухе и чуть-чуть меньше с ведром и шваброй в руках. И могла бы получиться почти королева.

— Это тебе не надо, — строго заметила Машка нашей худенькой, малозаметной Кариночке. — Тебе надо больше есть. А ей бы не помешало начать посещать фитнес какой-нибудь.

— Маш, ты бы тоже там была к месту, — аккуратно вставила я. Нельзя давать Машке волю, а то она враз всех захочет сделать счастливыми. И тогда вообще неизвестно, чем это все кончится.

— А я почему ем? Почему? Потому что муж меня не уважает! — заявила она, набив рот индийским десертом, похожим на манную кашу с большим количеством сгущенки.

Я поняла, что Индия — не моя страна, еще на соевом рагу. На десерт я даже не посягала. А вот Машке очень даже нравилось.

— Мужья никогда и никого не уважают! — заявила вдруг Кариночка, даже покраснев при этом.

— Ну... почему... Вот мой-то вроде бы... — промямлила Любочка.

— Твой просто тебя боится. Потому что если ты разведешься с ним, то начнешь кричать и бесить-

ся. В глубине души все они считают нас просто лентяйками. Надо признать, что каждый из них уверен в этом до глубины души, — хлопнула кулаком по столу Маша.

— Лично мой ценит только деньги, — как бы вскользь заметила я. — Если ты получаешь кучу денег, то ты — человек. Даже если ты эту кучу, к примеру, просто украл. А без кучи ты никто.

— Нормальная мужская психология, — кивнула Любка. — Мой вообще всех делит на «полных придурков» и «надо же, у него последний «Мерседес».

— Но у него-то самого старенький «фолькс»? — резонно возразила Машка.

— Ага. Но он-то вне конкурса. И потом, во всех его бедах, вы знаете...

— Виновата ты!

— Вот именно, — махнула рукой она.

— Если бы вы только знали, как мне иногда хочется раздобыть где-нибудь эту самую кучу денег и швырнуть их мужу в лицо, — вдруг неожиданно даже для самой себя заявила я. — Чтобы он перестал смотреть на меня свысока, как на дуру бессмысленную. А он вообще на меня не смотрит. Мне кажется, я для него вроде бытового прибора.

— Ну что ты такое говоришь? — перепугались все. — Ты же — золото. Да за такую жену многие Родину продадут.

— Ага. И окна помыла, и продукты-то ты наверняка купила. И вообще, умница, красавица, комсомолка... Да что бы они понимали! Ты же вообще

мечта! — с готовностью пропела хвалебную Карина.

— Да, я не спорю, — ухмыльнулась я. — Я отличный бытовой прибор. Японский, наверное.

— Когда я на тебя смотрю, меня начинает мучить совесть, — заявила Каринка. — Я не делаю и половины того, что делаешь ты. А у меня только сын, и все.

— Зато у тебя есть маникюр, — я кивнула на ее руки. Красивые розовенькие коготки, как раз такие я себе и не успела нарисовать.

— Так, заканчиваем. Никогда мужики не ценят того, что имеют. Но других-то все равно нет, так что...

— И все-таки тут есть и объективные причины, — задумалась я. — А разве нет? Мы с Лешкой жена-ты уже двенадцать лет, и иногда мне кажется, что я слишком хорошо его знаю. Я могу наперед сказать, какие шутки он будет шутить на пьянках, на каком боку он храпит, а на каком только сопит. И куда он капнет кетчуп, который я потом буду отстирывать. Скука! А вдруг и он тоже все-все знает про меня? Или думает, что знает, потому что на самом-то деле я — инопланетянка.

— Ага, с Венеры, — усмехнулась Любка. — А мой вообще больше меня не замечает. Он меня любит? А люблю ли я его? Я стараюсь больше об этом не задумываться, потому что... какое это теперь имеет значение. Когда-то все было по-другому.

— Когда-то и трава была зеленее. Ладно, чего там, — попыталась остановить ее Карина.

А Машка отвернулась к окну и пробормотала:

— А у меня секса не было уже два месяца.

— Да ты что! — ахнули мы хором.

— А то. Говорит, что устает очень.

— Может, и правда?.. — сочувственно пробормотали мы.

— Девки, кому еще десерт? — Любка широко улыбнулась, чтобы замаять как-то этот разговор.

— Не хочу я десерта, — расстроилась Машка. — Зачем вы завели этот разговор?

— Это все Юлька, — с готовностью подставили меня подруги.

Я округлила глаза.

— Да ладно тебе. Все будет хорошо. Муж тебя любит, просто уже возраст, все такое. У нас все тоже по-разному бывает. — Я принялась ее утешать. Хотя два месяца — это, конечно, серьезно. Очень серьезно.

— А может, нам и вправду записаться на фитнес? — робко предложила Карина. — А что, представляете, пройдет пара месяцев, а мы такие стройные, ухоженные, загорелые. Мужики на нас пялятся, а мы — королевы. Никого не замечаем.

— Ага, мечта, — вздохнула я. — Только что-то я сомневаюсь, что Лешка мне на это денег выделит. Скорее он скажет, чтобы я включила спортивный канал и делала зарядку вместе с ведущим. Видели, по утрам крутят такую дебильнюшку зарядку? Раз-два, раз-два!

— За пару месяцев королевой не станешь, — грубо подвела итог Машка. — Давайте этот ваш десерт.

— Но надо же как-то нервы приводить в порядок. Говорят, что занятия спортом снимают стресс.

— А знаете, как я снимаю стресс? — поделилась я. — Закрываю глаза и думаю, что я — вообще не я, а совсем другая женщина. И мне не тридцать пять, а двадцать. И я живу на море, в красивом доме, как с рекламы Турции. Сажу и слышу шум прибоя. И так не хочется возвращаться, так бы там и осталась.

— Дом на море — это нереально. Надо быть реалистами. А про два месяца... Тут одно из двух — или проблемы со здоровьем, или... — задумчиво проговорила Любка.

— Достаточно и первого, — оборвала ее Машка, лолая вторую порцию каши со сгущенкой.

Вариант номер два — что у него завелась ДРУГАЯ — это самый страшный сон. Вернее, самая страшная явь, которая только и может с нами, женами-домохозяйками, случиться. И об этом не то что говорить, даже думать было строго запрещено.

— Да-да, сходите к врачу, — радостно закивала Карина.

Возникла сытая напряженная пауза. Я почувствовала, что на сегодня с меня хватит. Что-то сегодняшняя встреча совсем не прибавила мне оптимизма. Ощущение солнышка, целующего меня в щечки, куда-то делось, пропало. Я засобиралась домой.

— Так, ладненько. Сколько там с меня? А то мне еще девчонок забирать из школы.

— А зачем ты возишь их так далеко? Отдала бы куда-нибудь рядом с домом и не мучилась, — заявила Любка.

Я пожалала плечами. Гимназия, куда ходили мои дочери, была не так уж далеко от дома. На машине всего минут пятнадцать. По пробкам двадцать. Не очень далеко, но и пешком не дойдешь, однако это была лучшая гимназия в нашем округе. Да к тому же с языковым уклоном. Я сама в детстве получила прекрасное образование, так что теперь просто желала того же самого для своих детей.

— Ладно, будем на связи, — кивнула я, расцеловала всех и отправилась в обратный путь. Мне осталось сделать с Дашкой, моей старшенькой, сочинение. Приготовить спагетти и сдать в химчистку пиджак мужа.

Следовало признать, что, несмотря на все мои претензии, у нас с Лешкой был действительно по-настоящему крепкий брак. Он был технологом в одной крупной пищевой фирме, руководил производством разного рода пельменей и колбас. Хорошо зарабатывал, два раза в год вывозил нас с семьей на отдых в Турцию или Египет. Любил дочерей, хотя это выражалось скорее в праздных разговорах с друзьями, чем в чтении сказок или походах в парк. Но... никто не без недостатков, никто не идеален. Лешка занимался работой, работой и еще раз работой, предоставив мне тянуть на себе дом.

— Лиля, Дашка, посидите-ка в машине. Я зайду в химчистку, — приказала я дочкам, устало дремав-

шим на заднем сиденье моей старенькой «восьмерки» в окружении портфелей и кульков со сменкой. — Я скоро, только не открывайте двери, а то машина заорет.

— Хорошо, — вяло ответили дочери.

Между ними было всего два года разницы, они родились почти погодками, и это на первых порах создавало мне кучу сложностей. Это было почти как с близнецами, зато теперь их проблемы и даже учебные задания были очень похожи. Удобно.

Я добежала до магазина и свернула к павильону химчистки, надеясь, что там не будет народу. Народу там не было, но была одна медлительная старушенция, которая сдавала в чистку весь свой зимний гардероб. Я стояла и смотрела, как с одной стороны стойки на другую перекачывают разные пальто и дубленки. И думала, что мне тоже надо бы, по-хорошему, собрать зимние вещи и принести их почистить, чтобы они не висели все лето грязными в шкафу. Я уже совсем собралась записать это в завтрашний список, как тут приемщица окликнула меня:

— Женщина, у вас только одна вещь?

— Да, пиджак.

— Вы карманы проверили? Давайте-ка его сюда, а то тут я еще долго буду оформлять.

— Сейчас! — обрадовалась я. — Тут всего два кармана. Ой! Телефон.

В моих руках оказался мужнин рабочий сотовый телефон. У него, как и у многих сейчас, существовало два сотовых аппарата. Один для собственного, домашнего, так сказать, пользования, а другой — вот

этот, дешевый, корпоративный, был выдан фирмой, где он работал. Алексей, приходя с работы в пятницу, забывал о своих должностных обязанностях до понедельника, а чтобы его никто не беспокоил, ставил рабочий телефон на бесшумный режим.

— Опять забыл. И небось ищет весь день, — всплеснула я руками. Надо было ему позвонить, сказать, что телефон у меня, что я, собственно, и собралась делать, когда приемщица снова меня одернула:

— Так вы пиджак-то сдаете?

— Конечно, — кивнула я, подсовывая ей пиджак одной рукой и снимая блокировку с клавиш другой. — Вот.

— Подождите минуту, — буркнула она, склонившись над квитанцией.

А я совершенно случайно, даже не посмотрев на дисплей, вместо того чтобы нажать номер мужа, открыла сообщение, которое висело, оказывается, на экране. Совершенно, совершенно случайно. Как хорошая жена и умная женщина, я никогда не лезла дальше, чем надо, и вообще никогда никуда не лезла. Зачем мне нужны все эти неприятности? Я вообще не собиралась открывать сообщение. Я хотела только позвонить мужу, сказать, что его рабочий телефон у меня. Чтобы он не волновался. Но я случайно нажала не туда, и передо мной со всей неотвратимостью открылась коротенькая эсэмэска:

«Когда твои дармоеды отчаливают в Турцию? Скучаю ужасно, зато купила новое белье. Не хочешь взглянуть? Твоя Н.».

— С вас триста рублей, — откуда-то издалека окликнул меня чей-то незнакомый голос.

Я даже не сразу поняла, что эти слова адресованы мне. Я дернулась, попыталась сбросить непонятное оцепенение, охватившее меня, но руки слушались плохо. Я чувствовала пустоту и какой-то странный холод в области солнечного сплетения.

— С вас триста рублей! — нетерпеливо повторила приемщица. Ее мир не разваливался на куски, у нее шел обычный рабочий процесс. Это я стояла и не могла собраться обратно во что-то целое.

— Да-да, сейчас. Вот, — еле слышно пробормотала я, расплатилась и, с трудом переставляя ноги, поплелась к машине, зажав в руке уже совершенно ненужную мне розовую квитанцию. В голове осталась только одна странная мысль, что лучше бы это не у Машки, а у меня с мужем ничего не было последние два месяца. Лучше бы у нее, а не у меня... Только у меня «это самое» было еще вчера ночью. Но теперь этот приятный факт, говорящий об исключительном физическом здоровье моего сорокатрехлетнего мужа, заставил меня вдруг поежиться от отвращения.

Глава 2,
*которая учит,
что воздух не чувствуешь,
только пока его кто-нибудь не испортит*

23 мая, среда
Стирка
Ванна + туалет
Сделать маникюр
Лильке новые кроссы
Деньги за обеды
Танцы
Ни о чем не думать!!!

Итак, оказывается, мой муж — все еще не прочитанная до конца книженция. Он вообще, кажется, книжка библиотечная. Во всяком случае, не я одна читаю этот фолиант (со слегка морщинистым лицом, хоть и симпатичным, и внушительным брюшком). Есть, оказывается, что-то, чего я не знаю о его личности. Что ж, сенсационный поворот нашей совместной биографии! Теперь жизнь перестанет быть скучной! Разве не так? Сколько всего нового я узнала, и ведь все это может изменить и разнообразить скучное течение моей жизни. Только вот вопрос: готова ли я к переменам?

Готова ли я? Да, это тот самый вопрос, который зазвенел в моей голове в тот самый момент, когда черт дернул меня прочитать СМС. Странно, что этот, ведь можно было бы задуматься и о другом. Например, о том, как Лешка мог так со мной поступить? Или о том, почему я ничего не замечала раньше? По поведению мужа или другим косвенным признакам. И давно ли это началось? И что он в ней нашел, чего нет у меня? Или, может быть, я все не так поняла и это было обычное деловое сообщение, которое ему прислал сослуживец? А что, такой вариант мне нравился даже больше. С ним было легче все забыть, выкинуть из головы, не вдумываться. Объяснить все стечением обстоятельств, каким-то недоразумением.

«Дорогой, ты забыл свой телефон в кармане пиджака. Я положила его на тумбочку. Кстати, ты не купил хлеба?»

«О, а я его весь день искал. Мне звонили?»

«Не знаю, он, кажется, отключился. Наверное, кончился заряд».

Какой бы был отличный диалог, и можно было бы дальше жить-поживать да добра наживать! Но к переменам, кажется, я была не готова. У меня было много дел. Надо было закончить детскую учебную четверть без троек. Надо было возить на танцы Лилию, у нее скоро конкурс, и необходимо было еще сшить к нему костюм. Не каждый ребенок в девять лет попадет на конкурс бального танца, так что следовало постараться и сотворить чудесный костюм. И потом, я действительно собиралась скоро с детьми в Турцию на три

недели, а муж (какой добрый, просто добрячок!) заботливо выкупил нам путевки в прекрасный семейный отель, не пожалел денег и всюю сокрушался, что никак не может поехать с нами. И все это только для того, чтобы остаться с этой «Н.»? Кто она вообще такая, эта «Н.», откуда взялась на мою голову? Как вообще такое могло произойти со мной? Этот вопрос не выходил у меня из головы весь вчерашний вечер. Если бы до конца честной, он один занял всю мою голову, не оставив там места ни на Дашкино сочинение, ни на спагетти «Болоньезе». Дашка даже не поверила своему счастью. Она несколько часов тихо сидела в своей комнате, старательно придумывая отговорки, чтобы не писать сочинение «Гагарин и влияние первого полета в космос на наш мир». А я даже не зашла к ней ни разу. Я сварила пельмени (какой кошмар, и это детям!), пробормотала что-то мужу про головную боль, старательно избегая его взгляда, и забилась в уголок гостиной, на диван. Муж заботливо (сволочь!) прикрыл мне дверь и выключил свет, потому что при мигренях я не выношу света и он прекрасно об этом знает. В итоге я так и уснула на диване, а Дашка прилепала ко мне уже в половине одиннадцатого.

— Мам, — тихонько прошептала она. — Ты как?

— Я в порядке, — еле слышным голосом ответила я. Слезы предательски капали из глаз, но темнота — друг не только молодежи, но и рыдающих женщин.

— А что с сочинением-то мне делать?

— Мне все равно. Делай что хочешь, — устало вздохнула я. — Только меня сегодня не трогай.

— Ладно, — изумленно согласилась она и тихо-тихо закрыла дверь, чтобы не побеспокоить меня ни одним лишним звуком.

В общем и целом семья убедилась, что у меня начался страшный приступ головных болей, на чем и успокоилась. А я лежала, старалась ритмично дышать и постепенно проваливалась в тяжелый беспокойный бред. Кажется, выдуманная причина вскоре стала приобретать реальные черты, моя голова зазвенела от настоящей боли. Или мне это приснилось? Я не очень понимала, что чувствую, я в общем-то совсем ни о чем не думала. Я вспоминала, что когда-то давно у нас с мужем была большая любовь. Он не был красавцем в классическом смысле этого слова (кто вообще понимает, что это значит?), но у него было симпатичное, очень подвижное лицо. В молодости он отличался какой-то суетливостью, но это только из-за того, что он старался успеть сделать десять дел сразу. И надо сказать, у него это получалось. И он очень много шутил. Очень много. Он всегда был выдумщиком. Я помню, как на нашей первой квартире, на пятом этаже в маленькой однушке-хрущевке, сосед снизу невыносимо курил в окно. Прямо-таки высовывался весь по пояс в окно, гад, чтобы не дымить в квартире. И весь дым, естественно, шел к нам, а я как раз тогда была беременна Дашкой, так что совсем не переносила табачного дыма.

— Может, с ним поругаться? Может, заявление написать? Ну, он же наносит этот... ущерб, — возмущалась я, в очередной раз выветривая злосчастный дым, а Лешка только сосредоточенно грыз ногти. Все

попытки поговорить с соседом по-хорошему кончались бранью и криками: «Я у себя дома буду делать, что пожелаю». А однажды Лешка приволок домой... что бы вы думали? Кормушку для птиц. Да-да, такую большую, громоздкую штуку с жердочками и желобками для зерна.

— Тише едешь, дальше будешь, — заявил он и на следующий же день повесил ее, подмигивая мне и хитро улыбаясь. Что же дальше? Дальше птички быстро смекнули, что у нас открылся халявный стол, и прилетали к нам столоваться всей толпой. Голуби, воробьи, вороны... Надо сказать, в Москве тогда было гораздо больше птиц. И постепенно, день за днем соседский подоконник согласно всем законам физики был заляпан птичьим пометом по самое «не балуйся». Что тут началось!

— Уберите немедленно вашу дрянь! Весь карниз заляпали! — возмутился сосед, старательно вытирая грязь.

— Мы у себя дома птичек кормим, и вообще, природе надо любить, — флегматично замечал мой муж, чем доводил соседа до бешенства.

А через пару недель сосед выбросил белый флаг. В обмен на обещание не курить в нашу сторону он потребовал перевесить птичью столовую на дерево во дворе.

— Не вопрос, — невозмутимо кивнул мой Лешка, и они ударили по рукам.

Как мы тогда смеялись! Как много я вообще с ним смеялась. Если честно, то и сейчас, несмотря на его

живот и частичное отсутствие волос на затылке, я все еще люблю его. Люблю?! Но теперь-то это не имеет никакого значения. Теперь-то у него есть какая-то «Н.», а меня можно оставить плакать в гостиной.

Я закрыла глаза и отвернулась к стене. Надо как-то отвлечься, расслабиться. Никто не говорит, что я прямо сейчас обязана принимать какое-то решение. Если оно вообще есть, это решение.

«Надо представить ЕГО», — подумала я, прорисовывая перед глазами детали.

Белые каменные стены, большие окна, которые распахиваются прямо на утренний бриз. Ситцевые цветастые занавески в деревенском стиле слегка покачиваются от ровного теплого морского бриза. Я слышу шум волн. Я вижу бесконечную голубую синеву, переливающуюся солнечными искрами. Кругом бескрайнее тепло и свет, каждая клеточка моего тела чувствует это тепло и свет.

«Когда уезжают твои дармоеды?» — вдруг отчетливо раздалось в моей голове. Да, в этот раз мне не мог помочь даже спасительный домик у моря. Почему это мы — дармоеды? Он что, действительно так думает? Для человека, задарма получающего свой хлеб, я слишком много работаю, слишком сильно устаю. Дармоеды. Надо же было такое написать!

Я открыла глаза в 6.30, как всегда вот уже много лет подряд. Теперь уже мне для этого не был нужен даже будильник, хотя я по привычке все равно каждый день заводила и заводила его, но всегда открывала глаза на пять минут раньше звонка. Машка

говорит, что это и есть то самое внутреннее программирование. Она верит, что мы вообще все программируем в своей жизни. Тогда я хотела бы запрограммировать удаление некоторых файлов.

— Дашка, подъем! Лиль, не делай вид, что ты меня не слышишь, вставать пора. Зубы чистим при мне.

Я совершала привычные утренние дела, улыбалась, варила кофе, делала сэндвич для мужа и кашу девочкам. Я даже выслушала все мужские новости о политике. В мире все еще решали, кто же крайний в пресловутом финансовом кризисе. Сходились на том, что во всем виновата Америка. Это было правильно, потому что ей (Америке) было на это наплевать, она была далеко и занята какими-то своими делами. У нее вообще уже был вечер и рабочий день кончился. А нам так было проще мириться с ростом цен и безработицей.

— Ты где будешь ужинать, дома? — по привычке спросила я, когда Лешка закончил излагать политический прогноз на неделю.

— Даже не знаю. Я позвоню, — ответил он, кажется, даже не задумавшись, о чем я спросила.

Я вдруг подумала, что сейчас могу с точностью до минуты сказать, как и что будет делаться дальше. Он поинтересуется, как дела у девочек в школе, но, если я вдруг и действительно стану ему об этом рассказывать, он моментально отвлечется, начнет копаться в портфеле или потеряет ключи от своего «Мицубиси», а я начну злиться.

— Я уже опаздываю, поговорим вечером, ладно? — Он нетерпеливо крутил брелок. — Девочки, быстро в машину! Мне нельзя задерживаться.

— Ладно, — вздохнула я. Аргументы о работе работают всегда (каламбурчик). Он — кормилец, он — добытчик. Его нельзя нервировать. Правда, сегодня мне очень-очень хотелось его понервировать. Хотя немного.

— Пока-пока.

Муж небрежно целует меня в щеку, думая о чем-то своем, а я вспоминаю, что когда-то между нами была острая связь. Нас тянуло друг к другу, словно внутри каждого был магнит, сопротивляться которому было невозможно и изнурительно. Иногда, когда Дашка и Лиля были в садике, он брал меня с собой, катал по городу на машине, и мы разговаривали. Или просто сидели рядом и молчали, иногда касаясь друг друга руками или коленями. Тогда у нас была только «восьмерка», и нам хотелось просто провести день рядом, вместе. Сейчас... сейчас, возможно, он только и ждет, когда доберется до работы и притянет к себе другую женщину, в которой, наверное, какой-то другой магнит.

— Что ты решила? — спросил меня он, стоя в дверях.

Я вздрогнула, подняла на него глаза. Я не поняла вопроса. О чем это он, он же ничего не знает? Я же не говорила. То есть это я ничего не знаю, не должна ничего знать.

— Что? — Голос дрожал, не слушался.

— О моем приеме. Ты сможешь тут все организовать? — нахмурился он.

Ах да, он же хотел устроить прием в честь какого-то контракта, который заключил на пару со своим шефом. Что-то там связанное с запуском каких-то новыхпельменных линий. Мой муж, который никогда в жизни не станет есть пельмени, делает их для народа, причем в немыслимых количествах.

— Не проблема. Когда?

— В воскресенье.

— Ладно, — я пожала плечами.

Я ведь действительно все решила. Я буду молчать. Да, это невыносимо, да, противно. Когда я смотрю на него, такого уверенного в себе, все еще достаточно молодого и полного сил (даже более чем), я понимаю, что надо все делать по-другому. Надо взорвать какой-нибудь мост, просто так, криком. Надо визжать на ультразвуковых частотах, чтобы разлетелась в осколки вся наша посуда. Надо вышвырнуть его из дома и потребовать развода. Надавать ему пощечин. Найти и разорвать на куски эту его «Н.». Но... ничего этого я делать не буду. Вообще ничего. Буду готовиться к приему. И знаете, почему? Потому что сегодня утром я проснулась и поняла, что сама по себе моя семья мне нужнее, чем любовь мужчины, который спит со мной рядом уже более двенадцати лет. Вот это я как раз готова потерять, но... есть еще мои девочки, есть привычный жизненный уклад и еще много чего. Ради всего этого стоит остановиться и не спешить с резкими телодвижениями. А как же наш дом,

празднование Нового года, семейные праздники, на которые приезжают друзья, мои родители? Им, кстати, Лешка никогда не нравился.

«Он тебе не пара, — ворчал мой папа, к слову сказать, интеллигентнейший и добрейшей души человек, всю жизнь преподавал филологию. — Он простой и ничего про тебя не понимает».

«Он простой, да. Но что в этом плохого? Он смешной».

«Да уж, ухохочешься», — кривилась мама.

У них с папой всегда было одинаковое мнение — папино. Всю жизнь.

«Я его люблю».

«Это-то и проблема. Я это вижу и сам», — вздыхал папа.

А потом я забеременела, папа с мамой попеняли на жизнь да и забабахали нам свадьбу, а в качестве свадебного подарка преподнесли нам ключики от хрущевки, оставшейся от моей бабушки, папиной мамы. Как же там было хорошо! Мы прожили там почти пять лет, пока не переехали в квартиру побольше. Но и потом, после хрущевки, когда Лешка уже начал подниматься на ноги (странная фраза, более подходящая к младенцам, а не к взрослым серьезным мужчинам), все было очень хорошо. Он любил девочек, я любила девочек, мы любили друг друга. Я занималась домом, он занимался тем, чтобы этот дом был — полная чаша. Я организовывала вечеринки, он на них шутил и развлекал народ. Когда он на меня смотрел, я чувствовала себя красавицей. Ког-

да-то ведь он постоянно на меня смотрел. Мы всегда были неразлейвода, вот только я забыла, в какой момент в нашей постели появилась эта «Н.». У меня муж гуляет, а я почему-то думаю только о том, что скажет мой папа.

«Я же говорил!» — скажет он, а дальше я услышу его короткий огорченный вздох. И ладонь на кармане рубашки, той, в области сердца. Нет уж, к этому я вообще не готова. Папино сердце надо беречь, а то, не дай бог, опять... Да о чем я, он, скорее всего, вообще промолчит, чтобы не ранить мои чувства, однако... так будет еще хуже. Нет. Я ничего не буду делать. Ничего не стану менять. У меня есть семья, я хозяйка дома, в котором я очень нужна и в котором мне очень хорошо. И подумаешь, мой муж спит с другой. И что, мне из-за этого рушить свою жизнь? Остаться одной, без средств к существованию, без мужа, но с двумя детьми? А разве это будет справедливо, если виноват он, а развалится МОЯ жизнь? Нет уж, я надена на себя улыбку, как стальное забрало, через которое не пройдет ни одна стрела. Что там по списку? Стирка? Ванна и туалет? Где мои перчатки?

Я терла и скребла свой дом, гладила и раскладывала по шкафам вещи, пытаюсь прикинуть, смогу или не смогу жить с окаменевшей душой. И если не смогу, то через сколько закричу и забьюсь в истерике. Причем обо всем этом я думала как-то отвлеченно, как о ком-то со стороны. Как о Машке или Любке. И о том, что бы я посоветовала им в таком случае. Из нас четверых об измене мужа знала только Кари-

на. Это произошло несколько лет назад, и он совсем слетел с катушек. Мог неделями дома не ночевать. Позвонить и реально предложить Каринке «самой что-нибудь придумать».

— Вот подонок! — зверела Машка. Ее стремление срочно действовать, мощное и полноводное, как Волга по весне, разбивалось о ледяное спокойствие Карины.

— Я все придумаю. Я все перенесу. Не лезьте, — твердила она, отворачивалась от нас или просто отводила глаза.

Мы даже какое-то время не общались. Во-первых, чтобы действительно не мешать, а во-вторых, я остро чувствовала, что не нужна ей и никто из нас не нужен. А потом, где-то через полгода, раздался звонок, и Карина как ни в чем не бывало, тем же самым своим обычным мягким голосом пригласила нас с Лешей на день рождения своего мужа Бориса. Мы пришли. И Машка пришла. И Любка. И все улыбались и делали вид, что ничего не было. Все все знали. И мы, и муж, и Карина. Но на столе стояло Каринкино коронное сациви, наши дети весело носились по квартире, а Каринкин Боря весело щебетал о русском особенном пути с моим Лешкой.

— Сечешь? — подмигнула мне Машка.

— Чего? О чем ты?

— Как будто ничего не произошло. Борька как новенький. Может, она его в химчистку сдавала?

— Возможно, — улыбнулась я, — главное, что Карина счастлива. Вроде как.

— Вот именно что «вроде». Эх, дуры мы, дуры, — горестно вздохнула Машка и пошла улыбаться мужикам. Раз уж у нас у всех все так хорошо.

И вот теперь, отмывая семейный унитаз, я стояла и думала: а я-то сама как долго смогу быть «вроде как счастлива»? Смогу ли я, как Каринка? Надо смочь, если я тоже хочу, чтобы все было хорошо. Она вовремя смогла сдержаться, потому что она умная женщина. И отчасти потому что у нее вообще нет никакого образования и профессии. Чистая домохозяйка.

А я что — другая? Да, когда-то папочка потратил кучу сил и средств, чтобы я получила прекрасное образование. И я была — была его солнышком, рисовала акварелью, училась в Суриковском. Он считал, что у меня есть талант и какие-то там надежды. Прошло столько лет, что я почти ничего уже не помню. Хотя, наверное, смогу нарисовать акварелью простенький пейзаж. Но двенадцать лет! Я домохозяйка вот уже двенадцать лет. И вообще, кому нужны в нашем капиталистическом обществе акварельки? Иллюстрировать сказку про Колобка разве что. Я от дедушки ушел, я от бабушки ушел, я от жены ушел... Каринка давно успокоилась, значит, успокоюсь и я. Хорошо бы поговорить с ней, она-то знает, она-то сможет сказать мне, как, когда и каким образом будет у меня ехать крыша. А в том, что она будет ехать, сомневаться не приходилось.

Когда Лешка вечером вернулся домой (около девяти вечера), я неожиданно для самой себя устроила ему скандал. Вообще-то я скандалов не устраиваю.

Почти никогда. Спокойствие кормильца — наша главная задача на все времена. Но тут просто что-то случилось со мной. А всего-то и делов-то, что он прошел в грязной обуви в ванну и начал полоскать в раковине какую-то грязную тряпку.

— Что ты делаешь? — тихо, сжав зубы, спросила я.

— Что? А, номера надо протереть, — через плечо бросил он.

— А нельзя было ботинки снять? — еще тише спросила-потребовала я.

— Нельзя, — нахмурился он.

— И почему?

— Мне надо обратно вернуться, завтра времени не будет. И не злись, пожалуйста.

— Не злись? — совсем тихо уточнила я. — То есть то, что я тут час на коленях все отмывала, что я эту самую раковину, которая опять черная как сажа, отмывала добела, — это неважно? Это не считается? Тебе лень ботинки снять, а я должна снова тут все драить?

— Что с тобой такое сегодня? — расстроился он. Вечер не обещал быть томным.

— Я даже не успеваю маникюр себе сделать, только и драю тут все, а ты...

— Так не драй! — рявкнул он. — Кто тебя просит все тут полировать, мы бы пережили, если бы ты хоть разок оставила все тут в своем виде!

— Что? — онемела я.

— Делай себе свой маникюр, только не трепи мне нервы. Я работаю, между прочим, пока вы тут раз-